

КАПИТАЛЫ, РЕСУРСЫ, ДОСТУПЫ, ВОЗМОЖНОСТИ: КОНСТЕЛЛЯТИВНЫЙ ДИЗАЙН СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НЕРАВЕНСТВ

Голиков Александр Сергеевич – старший преподаватель социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Стаття присвячена питанням розрізнення понятійного ряду мікрорівневих нерівностей (капітали, ресурси, доступи, можливості). Автор аналізує проблеми, пов'язані з культурно-капітальним підходом, специфічною природою культурного капіталу та його місця в констеляції нерівностей. Пропонується висновок про поліфакторний та розмаїтий дизайн сучасних (соціо)культурних нерівностей.

The paper is devoted to problem of differentiation of the conceptual line of microlevel inequalities (capitals, resources, accesses, possibilities). Basic problems, connected with cultural-capital paradigm and with specific nature of cultural capital and its place in inequality constellation, are discussed. On this base conclusion about poli-factor and diversified design of modern (socio-)cultural inequalities is made.

Ключевые слова:

Как мы уже подчёркивали в своих предыдущих публикациях (см., напр., [3]), современная стратификационная система общества вследствие ряда своих свойств должна быть признана скорее не системой стратификаций, а системой неравенств и дифференциации. Этими свойствами мы предлагаем признать следующие: **процессуальность** (перманентные конституирования и реконституирования в социальном пространстве), **неопределённость** (отсутствие видимого долгосрочного вектора неравенств), **микроуровневость** (существование на уровне индивидуальных стратегий и практик, через которые осуществляется процессуальность), **маркетингованность** (способы определения статуса и модели поведения всё чаще и всё больше напоминают соответствующие паттерны в рыночном пространстве), **индивидуализированность** (в полном соответствии с баумановской логикой (см. [1]) размывание институциональных рамок неравенств, утверждение условных, конвенциональных, устанавливаемых в ходе борьбы и соглашений правил взаимодействия и (взаимо)определения пространства неравенств), **гетерогенность** (отсутствие единого основания и ключевого фактора, вследствие чего неравенства становятся неопределённо-изменяющимися в своей природе), **социокультурность** (фундированность современных неравенств в самой системе культуры в виде ценностей, норм, социальных сетей, (взаимо)признаний, знаний и информации, навыков, легитимаций и т.п.).

В отношении вышеуказанных свойств наш взгляд не является уникальным. Симптомом этого может выступать как распространение альтернативных макроподходам парадигм в дискурсе социологии социальных неравенств, так и генеральный интерес современной социологии к синтетическим парадигмам как способу «возвращения человека действующего» (идеи П. Бурдьё, М. Арчер, Э. Гидденса, П. Штомпки, Т. Заславской). Как концепт, претендующий на универсальность объяснения описанной выше специфики социального пространства неравенств, в современной социологии предлагается посредник между макро- и микроуровнями неравенств – капитал как одно из проявлений общества в габитусе и свойствах актора. Однако вследствие диверсифицированности и мультипарадигмальности изучения даже таких специфичных концептов, как капитал, наблюдается их размывание вплоть до неразличения со смежными и сателлитными понятиями.

В связи с этим весьма актуальной представляется разработка единой концептуальной системы, учитывающей специфику понятия «капитал», с одной стороны, его соотношение с другими видами ресурсов, - с другой, и, наконец, позволяющей операционализировать понятие культурного капитала в рамках стратегии социологического исследования, - с третьей. Именно это является **целью** нашей статьи.

При этом **объектом** нашего анализа выступает концептуальная система, в которой центральным понятием является понятие культурного капитала; **предметом** – специфичные (взаимо)связи внутри этой системы, позволяющие установить соотношение между понятиями и способы их операционализации.

Учитывая особенности дискурса капитального анализа последних двух десятилетий, который как на постсоветском пространстве, так и в мировой социологии отличается эклектичностью, несистемностью и конъюнктурностью подхода, мы, исходя из необходимости различения данного понятия, концепта ресурса вообще и культурного ресурса в частности, предлагаем следующее определение культурного капитала, учитывающее ряд его специфичных характеристик как ресурсного феномена социокультурных неравенств.

Культурный капитал мы определяем как неединую, фрагментированную и зачастую эклектичную исторически конкретную систему конвенциональных характеристик актора, которые обладают ресурсной природой в социокультурной сфере значимостей и значений, освоены актором до такой степени, что могут быть не только использованы им, но конвертированы или инвестированы, обладают способностью к (само)приращению, и выражены в форме знаний, умений, навыков, компетенций, доступов и возможностей.

Как фактору, детерминирующему социокультурные дифференциации, культурному капиталу присущи, на наш взгляд, следующие свойства:

1) **"освоенность"** актором в определённой форме (инкорпорирование, установление отношений собственности над ним, демонстрация собственного легитимного отношения с определённой формой капитала), то есть у капитала должен быть свой субъект, без которого капитал остаётся «мёртвым» в смысле активной процессуальности ресурсом. Отсутствием актора (субъекта в некоторых других парадигмальных оптиках) грешат многие капитальные подходы в современной социологии, которые рассматривают как капитальную систему, так и социальное пространство как автономные от перцептирующего актора феномены. Этот подход чреват окончательной потерей внеструктурного элемента в современном социологизировании, что в отношении капитального анализа является неприемлемым (именно поэтому, кстати, мы полагаем наилучшей на данный момент оптикой для рассмотрения капитальных процессов деятельностно-структурную парадигму, предложенную постсоветскими социологами (см., например, [4]);

2) потенциал **конвертации и самоприращения** ("капитальность" в марксистском понимании данного феномена): напомним, что Маркс, существенно опережая время в процессуализации картины социального мира, утверждал капитал как процесс, «объективным содержанием которого является возрастание стоимости», как движение, в ходе которого стоимость «сама изменяет свой размер, отталкивает себя как дополнительную стоимость от себя самой как первичной стоимости, самовозрастает» [5, с. 147], причём указывал на это свойство как на сущностное для определения капитального ресурса. Вследствие этого в рамках нашего определения, в котором принципиальными являются как видовое прилагательное, так и родовое существительное, мы полагаем необходимым акцентировать, в первую очередь, «капитальные» свойства культурного капитала как специфичного ресурса;

3) **существование, легитимация и функционирование в (социо)культурной сфере**, которая определяется нами прежде всего как **сфера значимостей и значений**. При этом первые в интериоризированном виде нужны актору для того, чтобы различать капитально значимые и капитально незначимые ресурсы (соответственно, те, которые желательно «поглотить» и подчинить себе, и те, которые могут оказаться не стоящими инвестированного в них времени), то есть фактически чтобы быть успешным в условиях постоянно длящейся символической борьбы за признание стратегий капитализации акторов как успешных. Интернализация же значений представляет собой процесс конструирования собственно культур-капитальных фрагментов, которые могут быть отнесены к знаниям, навыкам и умениям. В оптике предложенной нами классификации первый капитальный фрагмент представляет собой капитальное обеспечение и оформление второго. Без обладания компетентностью в сфере значимостей (это именно то, что, например, одесская исследовательница Т. Каменская называет социальным знанием) обладание компетентностью в сфере профессиональных, языковых или других навыков может оказаться малокапитальным или вообще некапитальным. В социологическом дискурсе по данному поводу можно заметить постоянное включение в культурный капитал таких фрагментов, как социально принятые манеры, социальную компетентность, стратегическое мышление, - всё то, что позволяет более «гладко» и «мягко» конвертировать компетентность в сфере значений. Именно поэтому эти две универсальные компетентности (которые включают в себя ряд других) – компетентности в значимостях и в значениях – мы предлагаем считать двумя равно важными частями культурного капитала;

4) **выраженность в форме** знаний, навыков, умений, компетенций, а также возможностей и доступов. Первые четыре номинации из данного перечня в отечественном и западном социологическом дискурсе уже достаточно давно считаются культур-капитальными, причём это касается как отечественных социологов, так и западных. Эта позиция уходит корнями своими в определение интериоризированного культурного капитала у Пьера Бурдьё [см. 2]. Впрочем, французский социолог, опираясь на исследования актуального для него общества, больше обращал внимание на «игры знаков» (как социальных признаний и социально легитимных способов наследования капитала в различных его формах – культурной, экономической, социальной, символической), чем на «игры компетентностей», и поэтому вопрос о месте знаний, навыков, умений и компетенций в структуре культурного капитала остаётся открытым. Мы предполагаем ответ на него в следующем виде: они не являются культурным капиталом в чистом виде, однако являются способом его манифестации в социальное пространство. Однако возможности и доступы, как мы предполагаем, несут несколько иной смысл в процессах культур-капитализации в современном обществе. Именно они являются главными факторами, соединяющими макронеравенства социетального уровня (постольку, поскольку они существуют) с их микропроявлениями на уровне повседневности. Мы

намеренно не используем достаточно распространённый в социологическом дискурсе в последнее время термин «шансы», поскольку он несёт дополнительные коннотации, в то время как «*возможности*» в культур-капитализационном смысле мы понимаем максимально широко – как все в той или иной степени открытые варианты для обретения, расширения или конвертации капитала или его отдельных форм. Возможности и – что немаловажно – *их осознание* – являются важным фрагментом капитала, поскольку обеспечивают его свойство расширенного воспроизводства («самоприращения»). Ценности, предполагающие повышение уровня своего образования, с одной стороны, и ценности, предполагающие принесение времени, выделяемого на образование, в жертву в пользу экономической деятельности, с другой, имеют различную капитализационную стоимость с точки зрения как культурного, так и экономического капиталов. Этот простой пример позволяет продемонстрировать, что важны не только возможности, но и их осознание, причём осознание как важных и стоимостных в своей жизни. Доступ же в культур-капитализационном смысле мы понимаем более узко – а именно как наличие в актуальный момент прямого или косвенного пути к культур-капитальным ресурсам. Доступ без возможности не существует: он создаётся самой возможностью (как парафразом концепта вероятности) и существует в её рамках. Таким образом, доступ можно считать модификацией возможности;

5) *возможность оценки* с точки зрения современных рынков (рынок труда, рынок капиталов, рынок ценностей и значимостей), *их конвертации* в другие рыночно значимые формы капиталов. Как мы уже указывали выше, маркет-паттерны в современном обществе становятся и устанавливаются как образцовые для всех моделей поведения во всех сферах. Абстрагируясь от этической оценки данной ситуации, в сфере культурного капитала наблюдается тот факт, что ресурсы, не подлежащие оценке с точки зрения современных рынков, не могут быть конвертированы (и, следовательно, не могут быть приращены) в другие формы капиталов. Эта ситуация приводит к тому, что многие «элитные» виды культурных ресурсов не становятся культурным капиталом, а многие «массовые» – становятся. Именно поэтому в случае с культурным капиталом правило дефицитарности срабатывает лишь тогда, когда дефицитарный ресурс является рыночно востребованным, а для этого оценённым. Для культурного ресурса это означает его прагматическую ценность для кого-либо, не связанного той же системой ценности, что и обладатель данного ресурса, то есть прагматическую ценность общекультурного уровня, ценность на массовом, общерыночном пространстве.

Изложенные свойства, безусловно, не исчерпывают специфику культурного капитала, и тем более не описывают любое конкретное проявление культурного капитала в любой точке социального пространства. Однако, как представляется, этого достаточно, чтобы понять, что детерминация современных неравенств, концептуализированных в культурном капитале, может быть определена исключительно как *констеллятивная* (то есть как детерминация несколькими факторами, вес которых не является жёстко заданным и которые к тому же находятся в постоянной взаимодетерминации). Констеллятивную детерминацию в том виде, в каком мы её наблюдаем относительно культурного капитала (когда факторы находятся во взаимосвязи, взаимопротекании, взаимодетерминации), крайне сложно изучать эмпирически, но ещё сложнее концептуализировать. Именно поэтому мы предполагаем систему факторов культурного капитала представить в виде констелляции, облака факторов, постоянно находящихся в движении относительно друг друга и относительно детерминируемого ими культурного капитала.

Именно исходя из названных выше свойств, мы относим, к примеру, знания в сфере иностранных языков или дигитал-компетентность (как одно из измерений так называемых "новых неравенств") к культурному капиталу, а потребление и знание классического искусства или художественной литературы – нет (см. свойство 5). Безусловно, в определённых случаях эти знания могут быть капитализированы (под капитализацией мы предлагаем понимать перевод ресурса в форму культурного капитала), однако в тривиальном случае это не так.

Это отнесение, которое изначально кажется умозрительным, обретает вполне конкретные черты, когда попробовать изучить факторы и феномены культур-капитализации сквозь призму социального признания успешности, например, сквозь призму академической успешности успешность (которую мы уже предлагали как единственную на данный момент социологически «осязаемую» манифестацию культурного капитала), то оказывается, что отнесенные нами к культурному капиталу дигитал-компетентность и стратегии изучения иностранных языков более ярко и амплитудно связаны (например, для групп «программисты» и «не умеющих пользоваться компьютером» разница в количестве отличников достигает четырёх раз, в то же время для выделенных нами даже по элитному культурному потреблению – чтение поэзии и художественной литературы – этот же показатель не превышает двух раз) (в этом контексте мы имеем в виду результаты исследовательского проекта «Высшая школа как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ» (2005-2007), в котором по репрезентативной выборке было опрошено 3057 респондентов 31 вуза Украины).

Закономерно возникает вопрос о категоризации умений, навыков, возможностей и компетенций, которые либо не обладают капиталностью, либо не маркет-оцениваемы. На основании наших

исследований (согласно которым разные уровни и объёмы культурных капиталов сопровождаются различными возможностями и компетенциями, причём эти сопровождения могут быть более интенсивными, менее интенсивными, однонаправленными или разнонаправленными, то есть с возрастанием культурного капитала они могут возрастать или падать) мы полагаем их сателлитами культурного капитала, которые могут носить название культурных ресурсов. Эти ресурсы могут быть капитализованы в определённом случае и при определённом стечении обстоятельств, однако до того момента в актуальной конкретной исторической ситуации они принадлежат к некапитализованным формам ресурсов. Это разведение позволяет нам ликвидировать имеющуюся до сих пор и не обладающую чётким разведением дихотомию между капиталами и ресурсами.

Кроме того, необходимо указать на ещё два качества, не являющихся сущностными, однако исследовательски важных в рамках нашей концепции.

1. Культурный капитал – это феномен **конвенциональный**. Данную конвенциональность мы исследовательски и операционально понимаем двойственно:

- как конвенциональность *содержания*: содержательный аспект культурного капитала является предметом постоянно изменяемых и (ре)конституирующихся социальных конвенций;
- как конвенциональность *формы*: успешность конструирования культурного капитала – не самостоятельный феномен, не самодовлеющее свойство тех или иных стратегий культур-капитализации, но результат взаимодействия личности и общества, в ходе которого последнее признаёт за первой эффективность реализуемых ею стратегий. Именно поэтому одним из главных критериев оценивания культурного капитала в нашем исследовании выступает успешность реализуемых академических стратегий, выраженная, в том числе, в системе оценивания. Данная успешность является индикатором способности актора вписываться в существующие социальные требования в настоящем и, вероятно, в будущем. Эта способность сама по себе также является с точки зрения общества культурным капиталом;

2. Культурный капитал **ситуативен**. Как мы уже указывали выше, некоторые фрагменты культурного капитала (то есть определённые культурные ресурсы) обладают относительной капиталностью, зависящей от ситуации. Строго говоря, данным свойством обладает любой культурный ресурс, однако для современного общества (и, более конкретно, для современного рынка труда, на который попадают выпускники системы образования) можно выделить ряд ресурсов, обладающих безусловной капиталностью. В дальнейшем в своём исследовании именно под этим углом мы будем выделять капиталные и некапитальные культурные ресурсы (которые могут быть сателлитными или субститутными / альтернативными, то есть такими, которые формально являются похожими на культурный капитал, существуют в тех же социальных формах и институтах, для их интериоризации требуется время, которое в ином случае могло бы быть отдано на интериоризацию культурного капитала, но при этом они обратно коррелируют с культурным капиталом, то есть присутствуют тем больше, чем меньше существует социально конвенционированный на данный момент культурный капитал. Как свидетельствуют результаты нашего исследования, альтернативным практикам культур-капитализации является использование Интернет для поиска рефератов (показатель возрастал с 50,9% у отличников до 70,7% у троечников), использование Интернет «для отдыха» (этот показатель возрастал с 26% до 37,4% соответственно). Для сравнения – в случае с чтением литературой по специальности показатель «регулярно» для этих же категорий стабильно падал с 48,7% у отличников до 14,3% у троечников, научно-популярную литературу в этих категориях никогда не читают от 29% отличников до 48% у троечников соответственно). Проблема альтернативных культурных ресурсов, которые мы предлагаем назвать субститутными, слабо освещена в социологической литературе, в то время как в условиях диверсифицирующегося культурного потребления, фрагментирующегося социального пространства и размывающихся критериев социальной неоднородности вследствие экспоненциально растущего количества проявлений этой неоднородности всё более проблемным становится определение того, является ли культурный ресурс капиталом, сателлитным или же субститутным.

С этой точки зрения, процесс конструирования культурного капитала получает несколько иное освещение: этот процесс из процесса обретения, инкорпорирования и структурирования собственно ресурсных феноменов подразумевает параллельную их капитализацию, то есть интериоризацию значений с превращением их в капиталный ресурс, а также участие в стратегиях борьбы за значимости – то есть демонстрацию капиталности собственных ресурсов.

Литература:

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и н.ред. В.В. Радаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. - с. 519-536.

3. Голиков А.С. Концептуализация культурного капитала в современной социологии // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2008. – 579 с., с. 51-58.
4. Куценко О.Д. Деятельностно-структурная парадигма общества как саморазвивающейся системы // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства: Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції / Соціологічна асоціація України, Інститут соціології НАН України; М.О. Шульга (наук.ред.) та ін. - К., 2002., с. 49-54.
5. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 томах. - т. 1 - М.: Политиздат, 1987. - 811 с.